

23.10.95
Коржавин Наум

20

№ 193
(1831)

21
октября
2005

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

НОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ

Поэт в России – больше, чем поэт

Из антологии Евгения Евтушенко «Десять веков русской поэзии»

Наум КОРЖАВИН
14 октября 1925 года, Киев

Пред-шестидесятник

Зависть
Можно строчки нанизывать
Посложнее, попроще,
Но никто нас не вызовет
На Сенатскую площадь.

И какие бы взгляды вы
Ни старались выплескивать,
Генерал Милорадович
Не узнает Каховского.

Пусть по мелочи биты вы
Чаще самого чистого,
Но не будут выпытывать
Имена соучастников.

Мы не будем увенчаны...
И в кибитках,
снегами,
Настоящие женщины
Не поедут за нами.

Вариации Некрасова

...Столетье промчалось. И снова,
Как в тот незапамятный год, –
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет.
Ей жить бы хотелось иначе,
Носить драгоценный наряд...
Но кони – всё скажут и скажут.
А избу – горят и горят.

Памяти Герцена
(Баллада
об историческом недосыте)
Жестокий романс по одноименному
произведению В.И. Ленина

Любовь к Добру разбредила сердце им.
А Герцен спал, не ведая про зло...
Но декабристы разбудили Герцена.
Он недоспал. Отсюда всё пошло.

И, ошалеv от их поступка дерзкого,
Он поднял страшный на весь мир трезвон.
Чем разбудил случайно Чернышевского,
Не зная сам, что этим сделал он.

А тот со сна, имея нервы слабые,
Стал к топору Россию призывать, –
Чем потревожил крепкий сон Желябова,
А тот Перовской не дал всласть поспать.

И захотелось тут же с кем-то драться им,
Идти в народ и не страшиться дыб.
Так началась в России конспирация:
Большое дело – долгий недосып.

Был царь убит, но мир не зажил заново.
Желябов пал, уснул несладким сном.
Но перед этим побудил Плеханова,
Чтоб тот пошел совсем другим путем.

Всё обойтись могло с теченьем времени.
В порядок мог втннуться русский быт...
Какая сука разбудила Ленина?
Кому мешало, что ребенок спит?

На тот вопрос ответа нету точного.
Который год мы ищем зря его...
Три составные части – три источника
Не проясняют здесь нам ничего.

Да он и сам не знал, пожалуй, этого,
Хоть мести в нем запас не иссякал.
Хоть тот вопрос научно он исследовал,
Лет пятьдесят виновного искал –

То в «Бунде», то в кадетях... Не найдутся ли
Хоть там следы.

И в неудаче зол,
Он сразу всем устроил революцию,
Чтоб ни один от кары не ушел.

И с песней шли к Голгофам под знаменами
Отцы за ним, – как в сладкое житье...
Пусть нам простятся морды полусонные,
Мы дети тех, кто недоспал свое.

Мы спать хотим... И нигде не деться нам
От жажды сна и жажды всех судить...
Ах, декабристы!.. Не будьте Герцена!..
Нельзя в России никого будить.

В год смерти Сталина, весенним
днем, передо мной в литинститут-
ском коридоре внезапно выросла
Легенда. Странно, но она была не-
большого роста. Несмотря на толь-
ко что отбытую ссылку, человек-
Легенда был вовсе не исхудавший,
а с довольно пухлыми щеками, с озорными,
так и брызжащими любопытством неумын-
ными глазами, готовыми выбить напором эне-
ргии стекла очков из дешевой железной
оправы. Курнопельстый нос человека-Леген-
ды, хотя сам он был еврейского происхожде-
ния, вовсе не походил на злоевоще крючкова-
тые носы врачей-отравителей из недавних ка-
рикатур. Этот нос беспрестанно сновал в воз-
духе и с пороссячей неутомимостью и живей-
шим интересом принохивался к людям.

На человеке-Легенде была форменная кур-
точка Карагандинского горного училища. В
Сибирь арестованный в 47-м году поэт был
сослан за непочтительные стихи о Сталине,
прочитанные публично. Всего-навсего ссы-
лка за такую немислимую дерзость по тем вре-
менам была подарком. После смерти вождя
человек-Легенда вернулся в Литинститут до-
сдавать экзамены для получения задержав-
шегося на годы диплома. И я видел, как он об-
нимался с другой легендой – тоже исключен-
цем, бывшим морским пехотинцем Григори-
ем Поженяном. Человек-Легенда с мягкой, но
точной бесцеремонностью сразу предсказал
мне: «Читал, читал... На тебе еще сильно Ма-
яковский сидит... Но это ненадолго...»

Ну а его стихи я во множестве знал наизу-
сть, хотя они тогда еще не были нигде напе-
чатаны. Да разве я один... Есть строчки, кото-
рым тесно в литературе, и они покидают ее,
ходя по улицам, трясутся в трамваях и поез-
дах, летают на самолетах. В Эмке, парадок-
сально называемом старыми друзьями по ла-
сковому имени той самой пронзливой и
страшноватенькой машины, в которую в 37-м
у меня на глазах втокнули моего дедушку
Ермолая, нет ничего от ювелира, а вот поди ж
ты – не выцарапать его драгоценных строк из
памяти, ибо они стали частью неведальвиру-
емого вещества наших душ, которое называ-
ется совестью. Пока эти строки будут жить хоть
в ком-то, надежда на спасительное благополу-
чие литературы останется и в самые неблаго-
родные времена.

Штиль в писательской совести при столь-
ких штормах истории постыден. Я видел, как в
качку на Баренцевом море блевали даже ста-
рые морские волки, валяясь по палубе, но за-
помнил одного, обычно неприметного парня,
который тоже блевал, но, корчась, подполз к
штурвалу, брошенному обессиленным экипа-
жем, чтобы наша «Морянка» не налетела невзначай
на айсберг. Кто-то должен держать штурвал со-
вести, хотя бы своей, в любую качку. Хватит всё
время жаловаться на власть, трусливо остав-
ляя заботу о совести только на ее попечение.

Гражданственность затусовалась, забол-
талась, запуталась в ориентирах и выпраши-
тельно снует между морально взаимоис-
ключающими премиями, где нанятые разда-
ватели свежеемтого нала, получаемого по
рой из весьма сомнительных рук, восседают
на крошечных островках собственных амби-
ций, как вожди карликового государства в го-
сударстве – Тусландии. Многовато развелось
писателей, пишущих мимо совести. Но все-
таки обладатели этого рудимента – истинной
гражданственности – не позволяют жить при-
певаючи, в частности припеваючи многора-
зовые слова наскоро перелицованного пре-
жним портняжкой сталинского гимна.

Нам нужны писатели, перед которыми ста-
нет совестно всем нам, в том числе и власти.
Один из таких писателей – этот вроде бы по-
ти ничего не видящий от потери зрения про-
зорливец, пред-шестидесятник Наум Коржа-
вин, которому только что исполнилось 80 лет.

Когда-то он, юный идеалист, вырвался в
революционный мировой романтизм, обе-
щавший отдать крестьянам землю даже в да-
лекой Гренаде, и свято поверил, что так оно
и будет. В 37-м ему было 12 лет. Но по рассу-
павшему романтизму Светлова и Багриц-
кого захрустели чекистские сапоги, как по ос-
колкам разбитых вдребезги зеркал, внутри
которых уже не брезжили мавританские кре-
постные стены Гренады, а только бараки и ла-
герные вышки. Стихи об этом самом страш-
ном годе террора, написанные Коржавиным
по воспоминаниям детства, доказывают, что
и 12-летним мальчишкой он был опасно со-
образителен: «...И я поверить не умел никак,
Когда насквозь неискренние люди Нам гово-
рили речи о врагах...»

Только в одном он, пожа-
луй, ошибся – что все эти
люди были неискренними.
Самая трагическая необра-
тимность была в том, что мно-
гие из них от животного ужа-
са, заглушавшего доводы ра-
зума, сами себе лжеспаси-
тельно внушали, что те, кого
им приказано называть вра-
гами, на самом деле враги.
Как правило, из разоблачи-
телей такие ораторы сами
скорохонько становились ра-
зоблачаемыми.

Победа СССР в войне про-
тив фашизма воскресила ил-
люзии идеалиста-киевлянина,
спасенного от участи жертв
Бабьего Яра тем, что родите-
ли увезли его из Киева перед
самым вторжением гитлеров-
цев. Казалось, после приза-
ния Сталиным вины перед на-
родом (единственный раз – на
банкете после Парада Побе-
ды) откроются ворота лаге-
рей. Иначе даже при всей на-
ивной детской смелости Эма
вряд ли бы решился писать
стихи о Сталине, весьма дале-
кие от общепринятых: «А там,
в Москве, в пучине мрака,
Встал, воплотивший трезвый
век, Не понимавший Пастер-
нака Суровый жесткий чело-
век». (Цитирую так, как это

ходило по Москве, боязливо вздрагиваю-
щей от скрипа ночных лифтов.)

Когда Эму забирали из общежития, с ним
за руку попрощался только один человек, Вла-
димир Солоухин, – воплощенный русский па-
радокс, ибо чуть позже он набросился на стро-
ки попавшего в опалу Григория Поженяна:
«Известны мы, быть может, даже тем, Что нам
о нас не написать поэм». Солоухин партийно
протрубил басом церковного дьякона, под-
черкнуто окая: «Не беспокойтесь, товарищ
Поженя. Мы о нас наши поэмы напишем».

Сразу после войны один из сотрудников
московского горкома пытался приручить по-
литически неустойчивого поэта и даже обещал
устроить его вечер, но попросил придумать се-
бе коренной русский псевдоним вместо небла-
гозвучной фамилии Мандель: «Вы же русский
поэт, а не еврейский». Эма получил полчаса на
изобретение приемлемого псевдонима. Он вы-
шел и встретил прозаика Елизара Мальцева,
попросил помощи. Тот наморщил лоб и сказал:
«Ну так и быть, дарю тебе из моих запасов са-
мую-самую русскую фамилию – Коржавин». Эма
сразу согласился, потому что звук ему по-
нравился, и только через много лет открыл, что
слово «коржавый» в говорах не связано ни с

Эмка
Когда-нибудь для диссидентов
у нас не хватит постаментов,
и хорошо бы – поскорей.
Россия поскупилась, вынуж-
денных, как Марченко, Литвинов
из дряблой памяти своей.

И в генерале Григоренко,
герое нравственной войны,
такое мужество горело,
что стыд проснулся у страны.

Среди поэтов Эма Мандель
был первым, кто не по команде
вслед Мандельштаму в зверский век
тирана так назвал, однако:
«Не принимавший Пастернака
Суровый жесткий человек».

Ах, Эма, наш заветный Эмка...
Ей-Богу, ты такая темка,
что можно зубы обломать.
То ты им – перец, то – имперец,
То им – как мать, то – перемать.

Родоначальник диссидентства,
в тебе и нынче столько детства,
а может, детство есть во всех
не принимающих стержность
отвратнейшей игры во взрослость,
где убивать и лгать – не грех.

Я вспоминаю непрестанно
ботинки с пылью Казахстана

АНАТОЛИЙ МОРИЛОВ

«коржом», ни с «кряжем», а означает «некази-
стого» и даже «плюгавого» человека.

Борис Слуцкий придумал забавную игру:
кто в поэзии сколько стоит? Так вот, по его
прикидке, сто «кобзей» (по фамилии комсо-
мольского лидера Литинститута Игоря Коб-
зева) составляли один «мандель».

Эмиграция Эмы в США была для многих не-
представимой и даже нелепой – он был настоль-
ко первородным диссидентом-индивидуали-
стом, что вел себя как диссидент даже по отно-
шению к наиболее нетерпимым из них. Распад
СССР он воспринял как трагедию, был не понят
и заподозрен некоторыми российскими воин-
ствующими демократами в «имперских наклон-
ностях». И в США, и в России, будучи любимым
верными читателями и друзьями, он тем не ме-
нее безостановочно спорил и спорит на каждом
шагу. На то он и диссидент. В Талсе одна моя
студентка подарила мне значок с надписью по-
английски: «Диссидентство – это патриотизм».

В замечательной книге своих эссе Эма оста-
ется ревностным поборником классики.
Еще рано судить, останется ли он классиком
русской поэзии рядом с нежно любимыми им
великими именами, но классиком русской
совести он уже стал.

и прыгающие неустанно
глаза, лукавства не тая.
Щека любая – мягче пуха,
и развеселый нос Нуф-Нуфа,
вынохивающий – кто я.

А что он вынюхал? Тот ветер,
который выдышали дети
его раскованных стихов.
И что с того, что не Державин
меня заметил, а Коржавин.
Я быть хотел, как он, рисков.

А как уж это получилось,
не знаю... Мама огорчилась,
что был диплома я лишен.
Но я воскликнул, своенравен:
«Мам, без диплома сам Коржавин!» –
и был до времени прощен.

В стихах воспевший серп и молот,
был Игорь Кобзев комсомолод,
как фермы Орвелла модель,
но среди всяких его козней
в Литинституте сотню кобзей
давали за один мандель.

И если есть у нас проблемка,
она лишь в том, что штучен Эмка
и штучно лучшее, что есть.
Пусть снова власти бьют поклоны
самоклонируемые клоны,
но не клонируется честь!

Евгений ЕВТУШЕНКО